

Объём розничных продаж книг в РФ составляет от 1 до 1,2 млрд. долларов в год

В СССР ежегодно выпускалось примерно 50 тыс. названий книг, сегодня порядка 70 тыс.

В среднем европейском магазине на полках выставлено 100 – 150 тыс. книг

Юмористический фантаст

Василий Аксёнов о Родине, деньгах и литературе

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

Уже не первый год именитый российский писатель Василий Аксёнов живет на две страны. Его последний недавний приезд в Россию был, как всегда, краткосрочный и носил «технический» характер – 1 декабря в Москве пройдет церемония вручения национальной Букеровской премии, а ее председателем жюри в этом году избран Аксёнов.

Мы встретились с писателем во время его приезда в Москву. Беседа наша проходила в знаменитом доме на Котельнической набережной, где писатель живет во время своих, как правило, недолгих наездов в столицу.

– Василий Павлович, вы то получаете премии, то их вручаете. Приезжали на «Триумф», премию, которая спонсируется Б.Березовским, чуть раньше получали здесь «Букера». А вскоре сами будете его вручать. Сейчас в России масса всяческих премий, более напоминающих между собой чики. Как вы к ним относитесь?

– Эти премии пришли на помощь погибающей российской литературе в самом начале 1990-х. Тогда казалось, что все вот-вот рухнет и больше ничего не будет.

Многие люди буквально помирали с голоду, и не было никакого стимула. Издания ничего не приносили. И тут возникли премии. Первым, кстати, был Березовский.

Вообще идея принадлежала Зое Богуславской. Ее сын Леня был другом Березовского, с которым в советские времена они работали в одном НИИ. Вышли на него, он неожиданно пришел в восторг, и это продолжается вот уже 15 лет. После этого одна за другой стали возникать премии, что очень стимулирует литературу.

– Их сейчас существует более 30.

– Во многих европейских странах большое количество премий. Очень много в Италии. Есть мелкие, есть покрупнее. Вообще все это создает интригу, а литература без интриги вырождается в болото.

– Я о предстоящем «Букере» спрашивать не буду. Вы все-таки глава жюри. Но не могу не спросить про прошлый год. Кроме вашего романа, на «Букера» тогда номинировалось еще пять романов. Вы ожидали победу?

– Этот роман выставила Ирина Барметова, главный редактор «Октября», который его впервые и напечатал. И сразу пошли разговоры о том, что конкурентов у этого романа нет.

– Его высоко оценивают и правые, и левые. Люди, которые при встрече руки друг другу не подают. Вас это удивляет?

– Во время церемонии, когда меня уже назвали, ко мне подошла одна

Я принадлежу к карнавальной литературе

ДОСЬЕ

Василий Аксёнов родился 20 августа 1932 года в Казани в семье партийного деятеля. Его мать – Евгения Гинзбург, автор мемуарной книги «Крутой маршрут» о сталинских лагерях.

Окончил в 1956 г. медицинский институт, работал врачом. Печатается с 1959 года. В 1960 г. была опубликована повесть «Коллеги», сразу сделавшая имя Аксёнова широко известным. Далее были такие романы

и повести, как «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Затворенная бочкотара», «Остров Крым», «Московская сага», «Скажи изюм», «Новый сладостный стиль» и многие др. В 1980 г. был вынужден эмигрировать в США, где долгое время преподавал

русскую литературу в американских университетах. В последние годы пишет на английском языке. Лауреат Букеровской премии 2004 года, присужденной за роман

«Вольтерьянцы и вольтерьянки».

литературная дама и сказала: «Василий Павлович, если б вы только знали, сколько людей в Москве вас ненавидят».

– Могу представить. Особенно после «Букера».

– Я сказал: «За что же?» И сразу вспомнил эпизод из моей писательской молодости, когда однажды я с одной девушкой пришел в ЦДЛ, битком набитый братьями-писателями. Был большой алкогольный день. Шум, крики, все столики заняты. И она меня спросила: «А кто здесь твои враги?» Я тогда был несколько потрясен. И ответил: «Знаешь, у меня нет врагов». Но это была большая ошибка.

– Роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки», о чем он, и почему вы его написали?

– Подтолкнул анекдот. Когда-то мне попалась в руки публикация отрывков из переписки Вольтера и Екатерины II. Всем хорошо известно, что они переписывались, но в жизни никогда не встречались.

Тогда мелькнула идея, а почему бы не написать «правдивую» историю, которой не было. Описать их встречу. Я подумал об этом и благополучно забыл. Стал заниматься другими проектами. Написал новый большой роман. После написания романа всегда бывает период упадка и депрессии. Ходишь, думаешь, а может, и хватит больше, столько уже наваял. Потом вспомнил про ту идею, стал что-то записывать, потом начал читать книги на эту тему. Собрал массу источников, как на русском, так и на английском. Все больше влезал в тему, ходил по букинистическим магазинам, собирая старые издания XVIII века. Потратил на это довольно много денег.

И потом вдруг все сложилось, возник новый язык, что самое главное, когда садишься писать. Смесь архаического русского языка и современного.

– Да, ведь невозможно на языке XVIII века писать сегодня. Не поймут.

– Конечно. И когда я поймал интонацию, то писал уже в свое удовольствие. Работа заняла три года. В принципе, это стандартный срок для романа.

– Когда вы писали, вы думали о том, что наша власть, с Иваном Грозным начиная, абсолютно разнуданно ведет себя в России, но при этом очень реагирует на малейшую критику с Запада? И статейка в ничтожной западной газетенке иногда производит здесь колоссальный резонанс.

– Это наш вечный и очень большой комплекс неполноценности. В том числе и в русской культуре. И то ли он на нас давит, то ли стимулирует и дает толчок. Я затрудняюсь сказать. В начале XX века он нас вывел далеко вперед, когда возникла литература Серебряного века. Даже символисты, которые шли вслед за Бодлером и за всеми прочими «проклятыми», оказались впереди. Не говоря уже о футуристах, которые далеко опередили своих западных коллег. У нас сложные отношения. Мы хотим стать, с одной стороны, частью мировой культуры, с другой стороны, нас все время подстегивает желание опередить тех, за кем мы идем.

– В сборнике слависта Джона Глэда «Беседы в изгнании» вас зачислили в раздел «Фантасты и юмористы» наряду с Довлатовым, Войновичем и Юзом Алешковским. Согласны ли вы с такой классификацией?

– Абсолютно нет. Я ему говорил, что это деление странное. Хотя я понимаю, что он имел в виду. Карнавальная литература, вот что он, видимо, хотел сказать. Я к ней и принадлежу.

– К таким писателям, как Маркес, Борхес или Кортасар?

– Видимо, да.

– Вы написали очень много книг. Какая из них самая любимая и принципиально важная для вас?

– Долгое время моей самой любимой книгой был тот самый злополучный или счастливый роман «Ожог». Для меня это было своего рода экзгибиционистское откровение.

– А «Остров Крым»?

– Эта книга тоже очень важная. Но «Ожог» гораздо важнее. Потом я постарался выразить очень многое из того, к чему я пришел и что для меня очень важно, в романе «Кесарево свечение». Что касается «Вольтерянцев», то для меня это, с одной стороны, игра и веселье, и в то же время горечь и некое размышление о человеческой природе. Тоже очень важная вещь, но отходящая от моего самовыраженческого цикла романа.

– Согласны ли вы с мнением, что в сегодняшней России литературы нет, а есть ее ловкая имитация?

– Тем, кто читал роман, а таких немало – продано было 70 тысяч экземпляров, – вот им сериал не нравится. А тем, кто не читал, он нравится. Меня в этом сериале многое раздражает. И там не моя интонация. Хотя рейтинг у него был гигантский.

ция. Книги выходят, но читать все это невозможно.

– Дело в том, что мировая литература вообще находится сейчас в состоянии колоссального кризиса. В частности, жанр романа. Если судить по литературе США и ряда западных стран, он вступает в период угасания как жанр.

– Вы из последнего поколения русских писателей, которых уважали. Акунин, Пелевин, Сорокин светскую жизнь не ведут, интервью не дают и прячутся от мира, нарушая представление о писателе как мистагоге или демиурге. Вы человек светский. Вас эта роль тяготит или раздражает?

– Отчасти раздражает. Всякий приезд в Москву для меня отрыв от творчества. Я не могу здесь работать; очень много отвлекающих моментов, в которых я не могу не участвовать. Я здесь болтаюсь, для меня важно высказывать свою точку зрения по тем или другим вопросам, в том числе о политике. Но потом я убегаю туда, где мой телефон почти не звонит.

Во Франции, в Биаррице, у меня есть маленький домик, я там сижу и все сам с собой обсуждаю. Занимаюсь сочинительством, брожу вдоль берега океана и что-то придумываю. Вообще такое чередование деятельности для меня как для писателя полезно.

– Недавно вы переиздали сборник выступлений на радио «Свобода», претенциозно озаглавленный «Десятилетие клеветы». Работа на радиостанции тоже началась с первого дня?

– Я не состоял в штате, и в этом был большой плюс. Я был достаточно автономен.

Были конфликты, они считали, что я говорю слишком резко. Но за мной стоял университет, и я отвечал, ну и идите вы подальше. А я буду говорить, что хочу, а деньги заработка в другом месте. Платили, кстати, не очень. Главное было и на «Свободе», и на «Голосе Америки» – это контакт с людьми в СССР. Каждую неделю я садился перед микрофоном и говорил: «Добрый вечер, господа». А они все к радиослушателям никак не обращались. И отвечали на мое недоумение по этому поводу: «Но мы же не можем говорить «дорогие товарищи»?

– А письма вам писали?

– Редко, но было такое.

– Недавно вышел сериал «Московская сага». Вам эта экранизация нравится?

– Тем, кто читал роман, а таких немало – продано было 70 тысяч экземпляров, – вот им сериал не нравится. А тем, кто не читал, он нравится. Меня в этом сериале многое раздражает. И там не моя интонация. Хотя рейтинг у него был гигантский.

Ко мне подошла одна литературная дама и сказала: «Василий Павлович, если б вы только знали, сколько людей в Москве вас ненавидят»